

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

Рута Шейл

#ДВОЕДУШНИЦА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш39

Ш39   **Шейл, Рута.**

Двоедушница : роман / Рута Шейл. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 416 с. — (ONLINE-бестселлер).

ISBN 978-5-17-104534-0

Мертвым не место среди живых, живым нельзя находиться среди мертвых. Но что, если кто-то нарушит правило и обманет саму смерть? Сломанный порядок превращается в хаос. Ненависть, безумие и страх — всего лишь малая часть той цены, которую заплатит каждый за стремление Ники вернуться с изнанки города. Исправить ошибку сможет только тот, ради кого она была совершена, — или его заклятый враг, долгие годы мечтающий о мести.

Вторые души выходят на охоту, еще не зная, что добыча в ней — они сами.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104534-0

© Рута Шейл, 2017
© Павел Сметанин, фотография на обложке, 2017
© Анастасия Щеглова, модель на обложке, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ПОРЯДОК

БОЖЕНА

— Бо! Эй, Бо, а пропуск?

Пришлось возвращаться. Кивать, здороваться, натянув виноватую улыбку, и шарить по карманам в поисках мятой карточки. Раньше она всегда улыбалась. Надо вести себя так, словно ничего не произошло.

Отыскав нужную бумажку, Бо шлепнула ее на стол у входа и рванула обратно к лестнице, пока охранница не расставила десяток новых ловушек вроде «как дела» и «ты сегодня какая-то странная». Не сейчас, не сейчас, не сейчас!

Тяжелые ботинки привычно пересчитали вмятины на ступенях: до отвращения обычных — таких же, как вчера и позавчера, и двадцать, и сорок лет назад, когда Бо еще на свете не было.

Все обычное раздражало, потому что *сама она* уже не была прежней.

На то, чтобы раскроить ее жизнь на... даже не до и после, а — «есть Бо» и «нет больше Бо» — понадобилась пара секунд. И теперь вместо нее по скрипучему паркету бывшего доходного дома опрометью мчался некто другой. Только выглядел так же — каштановые волосы до плеч, карие глаза, длинный нос. Огромные кислотно-зеленые наушники на шее

и бежевый свитер тоже походили на вещи Бо. Но не все остальное...

Миновав закрытые офисы рекламного агентства и детского центра развития, она распахнула последнюю дверь со скромной табличкой «Служба психологической помощи». Зал для тренингов был пустым и темным, вдоль стен чернели сдвинутые рядами стулья. В дальнем конце виднелась еще одна комната, сквозь щели приоткрытой двери оттуда пробивался свет. На него и устремилась Бо, которая стала теперь не-Бо, но еще не придумала, как себя называть.

Машенька подмены не заметила. Подняла голову, обвела вошедшую сонным взглядом и снова клюнула носом стол.

— Божечка, ну наконец-то... Никто не поверит, если я скажу, что ты тоже умеешь опаздывать. — Коллега зевала и бормотала себе в ладони. — И как ты по ночам сидишь тут одна? Мне все время мерещилось, что за дверью кто-то ходит.

Все всегда задавали ей этот вопрос. Кажется, раньше она отделывалась общими фразами...

— Дома еще страшнее.

Бо обитала в паре кварталов от работы в старой однушке с прогнившими трубами и худыми оконными рамами. Стены единственной комнаты были оклеены обоями непроницаемо-черного цвета — одна из причуд матери, которых во время болезни стало так много, что дочь перестала спорить. У Бо всегда можно было вписаться и переночевать. Взамен она просила пакет кефира и буханку хлеба, а за пачку сигарет разрешала пожить подольше, «только в подъезде не курите, фашистики, лучше уж в форточку».

Отец ушел из семьи, как только ей исполнилось восемнадцать. Матери не стало прошлой зимой, и теперь Бо жила одна. Сама не заметила, как стала маленькой королевой кухонных посиделок и долгих бесед по душам, и всегда соглашалась на ночные смены, потому что до плача и скрежета зубовного ненавидела воюющие трубы, дырявые оконные рамы и черные обои.

Бо приезжала на работу на раздолбанной ржавой «Волге» — пешком выходило бы быстрее, но она день за днем заводила механическое сердце, опасаясь, что, если не будет этого делать, ее старушка тихо скончается в гараже от тоски и одиночества. На светофорах автомобиль глох, количество часов, проведенных за рулем, никак не переходило в качество, к тому же ее часто останавливали для проверки документов — невысокая, скуластая, с детскими чертами лица, Бо казалась подростком, который самовольно сел за руль чужой машины.

Хоть и давно уже им не была.

Днем аспирантура, ночью — этот вот кабинетик в два стола, два жестких стула и одно кресло-мешок, заменяющее постель ночному консультанту телефона доверия Божене Лавровой. И штаб поисковиков — чтобы гарантированно заполнить каждый не дай бог свободный час.

Ночью звонили реже, но жестче. Бо привыкла и к этому. В перерывах между телефонными сессиями можно было поспать, а спалось здесь изумительно.

Только не этой ночью. Да и вряд ли еще когда-либо она сможет *изумительно* выспаться.

Устало щурясь, Машенька что-то дописывала в общей тетради.

Бо сжалась в кресле. Раньше она первым делом включала чайник и заливала кипятком растворимый кофе. Пора бы об этом забыть.

Она уже не та, что раньше. Для таких, как она, есть специальное слово. Одно-единственное. Самое верное.

Бо произнесла его мысленно — словно порвала последнюю ниточку с собой прежней. И повторила вслух — для Машеньки. Нашла, на кого проблемы сваливать...

— Маш, Маша-а... я человека убила.

Скрипнула инвалидная коляска. Коллега откатилась от стола и развернулась к Бо с испуганным видом.

— Что-о?

Если б заплакать, стало бы легче. Хоть бы голос дрогнул. Но он не дрожал.

— Я только что сбила мотоциклиста.

— Божечка... — Здесь было кому плакать за нее.

— Когда начала поворачивать, я его не видела. У меня и скорость была небольшая, это он летел как на тот свет. Но если что, скажут, что виновата я, не пропустила помеху справа... Господи, ну почему? За что мне это? Разве нормальный человек станет гонять на мотоцикле зимой?

Сверкая спицами в колесах, кресло-каталка отодвинулось к вешалке. С каменным выражением лица Машенька принялась натягивать куртку.

— Плохо, что ты уехала, — заговорила она с внезапным спокойствием — иным, чем у Бо. Это была решимость ее спасти. — Скажи, где все произошло, я посмотрю, что там сейчас. Возможно, он еще жив. Надо вызвать «скорую». Это совсем другая статья. Ой, как же плохо, что ты уехала...

— Он сам меня прогнал.

— Прогнал? — Машенька замерла вполоборота, уставившись на стену с рекламными плакатами. — Так ты с ним говорила?

— Я вышла проверить. — Бо начало потряхивать, и она сунула ладони между коленей, чтобы унять дрожь. — Он лежал. Мотоцикл сверху. И кровь я видела. Но шлем он снял сам. И сказал так странно...

— Еще бы не странно, — вмешалась Машенька, но Бо не позволила себя перебить:

— Сначала про хаос. Мол, скоро наступит хаос, живые начнут видеть мертвых и сами захотят стать мертвыми. А потом...

В полумраке кабинета эти слова, произнесенные ее монотонным голосом, прозвучали как чертовы бредни местных телефонных маньяков:

— Потом обругал меня, велел проваливать и срочно найти какого-то Антона Князева, который знает, что делать.

— Раз обругал, значит, жить будет, — резонно заметила Машенька. — Жди. Я позвоню, когда что-нибудь узнаю. Где он?

— Перекресток Звездинки и Алексеевской.

— Поняла, — кивнула она. — И это... Замену себе найди. Турищеву звякни, он на подъем легкий. Работать все равно не сможешь. Тебе самой сейчас психолог нужен.

Оставшись в одиночестве, Бо щелкнула кнопкой чайника и снова устроилась в ямке кресла-мешка.

Она всегда мечтала помогать людям.

Даже не так.

Она всегда мечтала быть нужной. Еще лучше — незаменимой, поэтому с готовностью хваталась за все,

от чего отказывались другие. Когда пропадал человек, Бо в первых рядах ползала по городским развалинам, обшаривала чердаки, смело расспрашивала торчков и бомжей. Впаривала листовки бомбилам.

В службе доверия ей по умолчанию принадлежали ночные смены. Бо уверяла, что ей так удобнее, и действительно свыклась с тем, что писать научную работу приходилось прямо здесь, разложив на коленях ноутбук. Все ее распечатки и книги давно поселились в офисе. Дома она появлялась лишь затем, чтобы принять душ и переодеться, ведь мир казался потрясающе стабильной штукой, только когда мобильный разрывался от звонков и сообщений: «Бо, срочно приезжай, без тебя никак».

Все это наполняло ее жизнь, словно синтепон — туго набитого игрушечного медвежонка. Все это и было ее жизнью. Настоящая Бо начиналась там, где случалась беда, и все остальные, наоборот, заканчивались.

Теперь беда с ней самой, а она спасовала. Сбила человека и сбежала, даже не попытавшись помочь.

Тщательно выпестованный годами социальной работы «образ Я» покрылся трещинами, угрожающе похрустывал и грозил вот-вот прекратить свое существование.

Чайник закипел и отключился. Одновременно с этим ожил рабочий телефон.

Она снова была кому-то нужна.

Только прежней Бо больше нет.

Турищеву так и не позвонила — вот и разгребайся.

— Телефон доверия. — Представляться своим псевдонимом не хотелось, и Бо назвала Машенькин: — Консультант Елена, я вас слу...

— Божечка! Не волнуйся, он здесь, живой. — Каждое слово, сказанное этим спокойным голосом, словно снимало с плеч очередной камень. Бо начала понимать, почему у Машеньки так много «зависающих» — тех, кто звонит, чтобы поговорить именно с ней и неважно о чем. — «Скорую» прохожие вызвали, я дождусь вместе с ними. Узнаю, в какую больницу его отвезут, и навещу потом. Поспрашиваю осторожно. Не переживай, все обойдется.

Тишину кабинета разорвал вой сирен. И за окном, и в трубке. Наверное, не только врачи, но и полиция, так ведь положено.

Колючий свитер противно прилип к спине. Бо непроизвольно съезжилась, словно это могло сделать ее более незаметной. Словно ее уже разыскивали.

— Приехали, — подтвердила Машенька. — Я перезвоню.

Короткие гудки. Бо положила трубку на рычаг осторожно, будто ядовитую змею.

Ей все еще слышался голос того парня на мотоцикле. *Живые начнут видеть мертвых и сами захотят стать мертвыми.* Как человек, который, общаясь, привык ориентироваться только на слух, Бо была очень чувствительна к интонации и тембру.

Он явно верил в то, что говорил, и умел заставить поверить других.

Достаточно того, что сама она покинула место ДТП по одному его слову, прекрасно понимая, чем это может грозить.

Как же он сказал?..

Стоило только об этом задуматься, те самые интонация и тембр проигрались в голове четко, будто с диктофонной записи: «Я не успел. Антон знает, что

делать. Найди Антона Князева». И еще неразборчиво, похоже на «Лика» или «Ника». Скорее второе, вот так: Ни-ка. Бо проговорила одними губами, чтобы убедиться. Вышло похоже.

Потом он потянулся к одному из карманов, болезненно вскрикнул — точно так же, как когда снимал шлем, этот звук она тоже отчетливо помнила — и прошептал: «В правом верхнем, забери».

Бо послушалась. Протянула руку и достала ключ. Маленький, плоский, как от почтового ящика.

Байкер снова забредил про хаос. Ей пришлось наклониться, чтобы разобрать слова. Когда он говорил, у него на губах блестела кровь. Тогда она подумала, что все гораздо хуже, чем показалось вначале, а он открыл глаза, убедился, что она все еще здесь, обложил руганью и повторно послал к Князеву.

Теперь, наверное, уже не актуально. Раз он выжил, то незачем ей вмешиваться. Да и как искать этого Князева? Все равно что какого-нибудь Иван Ивановича. В таком-то огромном городе.

Бо нащупала в кармане телефон, ради любопытства зашла в одну из социальных сетей и выбрала «поиск». Запрос выдал почти семьсот человек. Отфильтровала по месту жительства — осталось двадцать. Уже лучше, конечно. Без адресов, а некоторые и без фото. Возможно, его вообще здесь нет...

Не будет она никого искать. Как бы саму в розыск не объявили. И ключ вернет, только позже, когда все немного утихнет.

Пока эта вещь у нее, парень ничего не расскажет полиции.

Потому что Бо ему нужна.

#АРСЕНИКА

— Не знаю, как ты, а я бы его из своей постели не выкинула, — резко севшим голосом заявила Женька Дроздова, как только поняла, о ком именно говорит подруга. — Тоже, что ли, ногу сломать? Не думала, что это делает людей такими популярными.

И ведь не шутила, хотя минутой раньше с ужасом восклицала: «Маньяк? Преследует? Тебя-я?» Держала за руку, гладила по плечу и заглядывала в глаза с вежливым сочувствием агента похоронного бюро. А сейчас прядь волос на палец накручивает и расстреливает «маньяка» очередями взглядов из-под фальшивых ресниц.

Бесполезно. Тот смотрел только на Арсенику. Видел ее одну.

Их разделял газон, решетка ограды и узкая полоска тротуара. Девушки двинулись в противоположную сторону — к воротам. Но Арсеника знала, что преследователь тоже обогнет институтскую территорию и встретит их напротив выхода.

Просто ждать.

Он не приблизится и не сделает попытки заговорить, а если сама она шагнет навстречу, его мотоцикл тут же отчалит от обочины и затеряется в потоке машин. И это не будет выглядеть побегом, скорее, ленивым отступлением. На следующий день все повторится в точности. Как раньше.

Он поджидал ее возле института и молча провожал до остановки. Пару раз мелькал у дома. Однажды Арсеника с замиранием сердца наткнулась на знакомый черный байк прямо посреди парковки кинотеатра.